

РАЗДЕЛ VI. ПРАВО В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

В. Ю. Васечко

(г. Екатеринбург)

Философско-правовое учение П. И. Новгородцева: современное звучание

Павел Иванович Новгородцев (1866–1924) — русский мыслитель эпохи Серебряного века, основатель идеалистической школы в русской философии права. Его ученики И. А. Ильин, Б. П. Вышеславцев, Г. В. Флоровский, Н. Н. Алексеев и др. П. И. Новгородцев окончил юрфак Московского университета (1886), продолжил образование в научной командировке в Берлине и Париже. В 1903 г. в Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве». С 1904 г. являлся ординарным профессором Московского университета (ушел оттуда в 1911 г. в знак протеста против политики министра просвещения Л. А. Кассо). С 1906 г. по 1918 г. служил ректором Московского коммерческого института. С 1905 г. — член партии кадетов, а с 1917 г. — член ее центрального комитета. В 1918 г. стал одним из руководителей подпольных антибольшевистских центров в Москве, а с конца 1918 г. — участником белого движения на юге России (Екатеринодар, Харьков, Крым). В 1920 г. эмигрировал в Берлин, с 1921 г. проживал в Праге, где основал Русский юридический институт (факультет) в Пражском университете и возглавлял его до своей смерти.

В своих теоретических построениях П. И. Новгородцев критикует социологические и юридические концепции, исходящие из признания объективной реальности вне нашего сознания и игнорирующие принцип нравственной автономии личности. В работах дореволюционного периода основным объектом критики считает юридический позитивизм («философию легального деспотизма»), согласно которому основа права есть государственная власть, утверждаемая на праве силы. Пола-

гаем, что необходима перестройка науки о государстве, основанная на признании того, что «над государством стоят некоторые высшие нормы, которым оно должно подчиняться, из которых оно черпает и свое оправдание, и свои руководящие начала. По отношению к этим нормам государство является лишь органом, а не творцом...» [1, с. 510–511]. В истории человеческой мысли эти нормы эксплицированы, прежде всего, в различных вариантах концепции естественного права и особенно в учениях представителей немецкой классической философии (Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля), из которых П. И. Новгородцев выделяет первого и последнего.

Из учения *Канта* следует, что непреходящей ценностью обладает принцип нравственной автономии (= свободы) личности, предполагающий (согласно так называемому категорическому императиву): каждый человек есть нечто самоценное и цель сама по себе, не допускающая отношения к кому-либо (ни к себе, ни к другим) только как к средству. Власть и право суть необходимые условия человеческой культуры, но только условия, и притом внешние. Цель заключается не в них: «Кант готов даже сказать, что настоящая культура, долженствующая воспитать человека и гражданина, может быть, еще и не началась как следует» [2, с. 218]. По сути, вся человеческая история (по крайней мере, история цивилизации) пронизана противоречием между установками права позитивного и права естественного: право, по идее, *должно быть* справедливым и никогда *не может* стать им вполне; оно должно вечно стремиться к усовершенствованию и никогда не может достигнуть полного совершенства. Идеал лежит в бесконечной дали, а нам дано только приближаться к нему.

Среди законов права есть: 1) законы *естественные*, обязательность которых признается разумом помимо всякого внешнего законодательства; 2) законы *положительные*, которые без действительного внешнего законодательства, т. е. без силового государственного принуждения, не могут быть обязательны. Чтобы сформулировать всеобщий критерий, с помощью которого право отличается от неправа, необходимо оставить эмпирические начала и обратиться к разуму. Положительные законы, действующие в данном месте и в данное время, стало быть, зависящие от социально-исторических обстоятельств, при этом могут служить только приблизительным ориентиром. Нравственный критерий для оценки и критики позитивных норм такой, что существует независимо от фактических условий правообразования, вырабатывается только естественным правом.

Заслуга Гегеля, изложившего свои взгляды на данную проблему прежде всего в «Философии права» (1821), заключается в стремлении преодолеть дуализм, проходящий через все мировоззрение Канта, раскрыть неизбежную и бесспорную связь личности со средой, причем связь эта приобретает у него характер высшей нравственной правды. Свобода лиц, понятая как их право на субъективное определение, только тогда становится настоящей и получает реальное значение, когда они вступают в действительное обладание своим собственным существом, т. е. имеют возможность реализовать себя в социуме, влиться в систему наличных общественных отношений, включая отношения правовые. Государство — это не объект для критики вечно неудовлетворенного и чего-то хотящего субъективного сознания, а форма, в которой воплощается нравственная идея. Это действительность нравственной идеи, это нравственный дух, как проявившаяся и ясная для себя субстанциальная воля, которая мыслит и знает себя и осуществляет то, что она знает.

Гегель придает глубокое значение органическому строению общества, проявляющемуся в развитии общинной и корпоративной жизни. Правительственная власть не просто должна оставлять неприкосновенной органическое устройство общества: в организации самой власти, особенно в законодательной ее функции, должно отражаться органическое строение народа. Глубина и сила государства — в развитии духа общественности. Именно в государстве «совершается непосредственное проникновение частных интересов общими. Эта внутренняя и самобытная жизнь общества обеспечивает государству его нравственный и правомерный характер и создает для власти нормальное и правомерное положение» [2, с. 345].

Под влиянием событий 1905 г. и особенно катастрофы 1917 г. П. И. Новгородцев существенно корректирует свою философско-правовую концепцию. На первое место у него выходит критика *социального утопизма*, будь он социалистического, народнического, анархистского или либерального толка. Всех революционных деятелей, а также поверхностно мыслящих либералов объединяет так называемое интеллигентское сознание, основное свойство которого — «безрелигиозное отщепенство от государства», рационалистический утопизм. И либералы, с их индивидуализмом, и социалисты, с их популистскими лозунгами, стремясь «устроить жизнь по разуму», отрывают ее от объективных начал истории, от органических основ общественного порядка, от животворящих святынь народного бытия.

Рационалистический утопизм есть отрицание связи человека с Богом, есть отпадение человеческого разума от разума Божественного. Причем кризис интеллигентского сознания — это не русское только, а всемирно-историческое явление. Россия своим печальным примером демонстрирует всему цивилизованному миру, к каким разрушительным последствиям приводит отрыв мысли человеческой от своих жизненных корней, ее стремление заново воссоздать из себя самой всю действительность, заменить объективные органические законы своими отвлеченными требованиями.

В новых условиях по-прежнему сохраняют свое значение фундаментальные социально-правовые идеи немецких классиков. Это и кантовское утверждение самоценности каждой человеческой личности, недопущение превращения ее в средство и материал для утопических экспериментов, тот высокий нравственный стандарт, который категорический императив устанавливает для правильной оценки и адекватного осмысления политических, экономических, юридических и иных мероприятий, реализуемых различными властными (или претендующими на власть) органами и структурами. Это и гегелевские идеи о связи общественного порядка с высшими объективными основами истории, о высшем разуме, проходящем через всю историю и ведущем общество через возрастающие противоречия, через борьбу противоположных начал к высшей сложности. Русская революция показала, что неоднократно звучавшие обвинения Гегеля в консерватизме и оправдании любой наличной политической системы безосновательны и вызваны нежеланием понять его принципиальную мысль о том, что сила государства не в тех или иных временных целях, а в той вечной идее, которой оно служит, в его призвании сделать идеал действительностью, дать нравственному закону и личной свободе истинное осуществление.

Лучшее, что есть в сочинениях немецких мыслителей, остается непреходящим завоеванием философско-правовой теории, и оно будет сохраняться, изучаться и переосмысляться и в будущем, сколько еще ни суждено длиться человеческой истории.

Список литературы

1. *Новгородцев П. И.* Государство и право // Вопросы философии и психологии. Кн. 75. М., 1904.
2. *Новгородцев П. И.* Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. СПб., 2000.